

ИВАН ГРОЗНЫЙ В МАЕ 1571 ГОДА**Т. М. Пенская, В. В. Пенской***Белгородский государственный национальный исследовательский университет*

Поступила в редакцию 18 октября 2016 г.

Аннотация: в мае 1571 г. крымские татары разбили русские войска в предместьях Москвы и затем сожгли русскую столицу. В историографии принято считать, что Иван Грозный бросил столицу и войско и бежал от татар. Авторы не согласны с такой трактовкой его поведения в те майские дни и предлагают свое видение тех событий.

Ключевые слова: Россия в XVI в., Иван Грозный, русско-крымские отношения.

Abstract: in May, 1571 the Crimean Tatars have broken Russian army in suburbs of Moscow and then have burnt Russian capital. It is considered to be in a historiography, that Ivan the Terrible has thrown capital and army and ran from Tatars. Authors do not agree with such treatment of his actions in these May days and offer the vision of those events.

Key words: Russia in XVI century, Ivan the Terrible, Russian-Crimean relations.

После того как в 1502 г. пала окончательно Большая Орда, а в 1505 г. умер Иван III, ничто уже больше не связывало Москву и Крым – ни общий враг, ни близкие отношения двух государей. Союзник Ивана III Менгли-Гирей I уже не считал сына своего партнера Василия III своим другом и, опасаясь чрезмерного усиления Русского государства, постепенно склонился к заключению союза (при условии регулярной выплаты «поминков», которые рассматривались в Крыму как дань [1, с. 80; 2, с. 242–243]) с заклятым противником Москвы великим князем литовским Сигизмундом I [3, р. 90–94]. Сын же Менгли-Гирея, Мухаммед-Гирей I, убедившись окончательно, что Василий III отнюдь не стремится содействовать великодержавным замыслам крымского «царя» по возрождению Золотой Орды, но на этот раз под крымским управлением, и вовсе совершил набег на Русь в 1521 г., разгромив русские полки под Коломной и опустошив окрестности русской столицы. Память о «крымском смерче» 1521 г. (так образно и вместе с тем метко охарактеризовал это событие отечественный историк, знаток той эпохи А. А. Зимин [4, с. 240]) прочно засела в сознании крымской элиты, и преемники Мухаммед-Гирея не раз пытались повторить его успех. Но лишь однажды, в мае 1571 г., племяннику Мухаммед-Гирея – хану Девлет-Гирею I – удалось не просто повторить успех «смерча», но и превзойти его. Разбив русское войско в ожесточенной битве на окраинах Москвы, ханские воины подожгли русскую столицу, а затем, воспользовавшись наступившим хаосом и анархией, вдоволь ополонились,

доглат опустошив уезды к югу и юго-востоку от сожженного города. Во всяком случае, татарский посол, прибывший в Варшаву к Сигизмунду II сразу после возвращения Девлет-Гирея из успешного похода, похвалялся тем, что воины его повелителя перебили 60 тыс. русских и еще столько же захватили в плен [5, с. 388]. И в довершение всего хан в своем послании Ивану нанес ему жестокое оскорбление, обвинив в трусости и бесчестности [6, с. 267].

В этом своем обвинении хан был не одинок. Бежавший в Литву князь А. М. Курбский в своем третьем послании Ивану Грозному, написанном сразу после взятия Стефаном Баторием Полоцка, обвиняет царя в трусости, именуя его «хоронякой и бегуном», и полагает картину иванова бегства от «измаильтеского пса» (Девлет-Гирея. – Т. II., В. II.) зрелищем «наигоршим и срамотнейшим». И для пущего эффекта, живописуя страх и ужас, охвативший ненавистного ему царя, Курбский добавлял, что, «яко нецьи zde нам поведают», Иван, «хороняся от татар по лесом со кромешники твоими в мале гладом не погиб...» [7, с. 199–200, 211].

Обладавший бойким пером и ярким, образным стилем, Курбский, по словам отечественного исследователя А. И. Филюшкина, «отомстил своему врагу, Ивану Грозному, прежде всего тем, что сумел навязать читателям свой взгляд на русскую историю XVI века, который до сих пор определяет оптику нашего видения эпохи царя Ивана Васильевича. Вот уже несколько столетий мы смотрим на русский XVI век через очки, надетые Андреем Курбским на историков» [8, с. 9]. Именно эти «очки» Курбского надел на себя Н. М. Карамзин, литератор, ставший историком, автор

концепции «двух Иванов». И, касаясь нашего сюжета, можно с уверенностью сказать, что с его легкой руки мотив трусливого малодушного царя, в страхе бежавшего от татарского нашествия, а потом унижавшегося пред крымским «царем» [9, стб. 106, 108–109], прочно утвердился в отечественной историографии. Справедливости ради отметим, кстати, что первым из отечественных историков о бегстве Ивана и его «робости» написал, пожалуй, князь М. М. Щербатов [10, с. 278]. Однако его повествование пришлось неко времени и осталось практически незамеченным, чего не скажешь об «Истории» Карамзина (в русском обществе того времени «читать Карамзина было модным», констатировал А. И. Филюшкин [8, с. 13]).

Прошло без малого два столетия, и по сей день доминирующее мнение в историографии и в популярной литературе гласит, что «царь не захотел стать во главе армии. Вместо этого он с небольшой свитой ускакал подальше от опасности – в г. Ростов. Отсюда при необходимости он собирался бежать еще дальше – в Вологду. Армию и столицу царь, попросту говоря, бросил» [11, с. 167]. В этой цитате из ставшего классическим труда воронежского историка В. П. Загоровского в концентрированной форме выражены все основные характеристики и оценки поведения Ивана Грозного в майские дни 1571 г. И, как правило, разница во мнениях историков заключается лишь в расстановке акцентов и трактовке маршрута бегства Ивана с «берега» – добрался ли Иван до Серпухова или нет, куда и с кем он бежал, заезжал ли в Москву или же нет, минуя ее, отправился на север и т. д. [6, с. 264; 12, с. 152; 13, с. 271; 14, с. 414–417; 15, с. 426]. Несколько особняком стоит мнение Д. М. Володихина, который полагал поведение царя в канун и первые дни после катастрофы «логичным и понятным», поскольку гибель или пленение государя и его наследника (здесь стоит вспомнить события, последовавшие за пленением татарами великого князя Василия II после несчастной для русского оружия битвы под Суздаlem в 1445 г. [16, с. 104–122]. – Т. П., В. П.) могли «ввергнуть Московское государство в еще горшие неприятности» [17, с. 109].

Причина устойчивости картины, нарисованной Н. М. Карамзиным и воспринятой так или иначе большинством отечественных (а вслед за ним и иностранных [18, с. 364]) историков, в общем-то достаточно ясна и понятна. С одной стороны, сильнейшее воздействие на построения историков оказывает равно и мнение авторитетов, и связанная с ними определенная историографическая инерция. С другой стороны, это явно неудовлетворительное состояние источников. Здесь необходимо прежде всего отметить, что большая их часть относится к более позднему, чем те события, времени, т. е. была составлена *post factum* со всеми вытекающим отсюда позитивными

и негативными последствиями. И, помимо этого, их сведения относительно того, что произошло в мае 1571 г., крайне запутаны и противоречивы.

Свидетельства о майских событиях 1571 г. достаточно четко делятся на три основные группы – разрядные записи, летописные заметки и показания иностранцев (сохранившиеся в их записках о пребывании на Руси и в дипломатической переписке). В первой информация по интересующему нас вопросу достаточно скудна. Так, «Государев разряд» редакций 1585 и 1598 гг. о действиях Ивана умалчивает (собственно, и о самой майской катастрофе в них ни слова) (см. разряд 7079 (1570/1571) г.) [19, с. 407–421; 20, с. 235–241]. В частной разрядной книге 1559–1605 гг. содержится указание на разряд государева похода 7079 г. (без уточнения его деталей – куда? когда? зачем?) и коротенькая фраза о столь же кратком повествовании о московском пожаре – «а царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси в те поры был в Ростове» [21, с. 71, 72–73]. Другая частная же разрядная книга 1550–1636 гг. содержит более подробный и обстоятельный рассказ об интересующем нас событии. И, в частности, в ней сказано, что «как государь про крымского царя от бояр весть учинилась, и государь царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси ис походу поворотился назад к Москве наспех, и с царевичем», отправив вперед себя опричников во главе с воеводой князем В. И. Темкиным-Ростовским, которые встали на позиции за Неглинной [22, с. 189]. Но где находился Иван 24 мая 1571 г. и куда он отправился из Москвы – на эти вопросы в книге ответа не найти. Наконец, в самой подробной и обширной частной же разрядной книге 1475–1605 гг. приведен разряд государева похода из Слободы на Оку, который начался 16 мая 1571 г. Далее в ней отмечено, что «государь царь и великий князь тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собрата не поспел» и, наконец, сказано, что «государь был и царевич в ту пору в Ростове», откуда он и прибыл в сгоревшую дотла столицу [23, с. 277–280, 282].

Обратимся теперь к показаниям летописей. Так, вставка в текст Никоновской летописи гласила, что «царь и великий князь Иван Васильевич с опричниною в те поры шол из Серпухова в Бронниче село в Коломенском уезде, а из Броннича села мимо Москву в Слободу, а к Москве не пошол; а из Слободы пошол в Ярославль и дошел до Ростова» [24, с. 301]. Пискаревский летописец передает иное известие: «Царь и великий князь Иван Васильевич пошол был в Серпухов да услышал, что царь прииде к Оке реке, и он побежал в Слободу, а ехал на Бронницы да в Слободу, а и [з] Слободы побежал был в Кирилов» [25, с. 191]. Вологодский летописец Ивана Слободского сообщал же, что когда «прииде на Русь крымский царь и град

Москву пожег, а царь государь Иван Васильевич был тогда на Вологде и помышляще в Поморския страны, и того ради строены лодьи и другие суды многия к путному шествию...» [26, с. 197]. А. А. Зимин со ссылкой на разрядный летописец сообщал, что Иван «пошел к Троице, а оттуда в Переяславль-Залесской, а оттуда в Ростов» [13, с. 406].

О чем свидетельствуют показания иностранцев? В августе 1571 г. папский нунций кардинал Портико из Варшавы в Рим сообщал, что Иван Грозный сперва укрылся в Александровской слободе, а оттуда перебрался в Белоозеро [27, с. 231; 28, № CLV]. Ливонские авантюристы И. Таубе и Э. Крузе, бежавшие к Сигизмунду II в 1571 г., писали, что Иван, извещенный о приближении хана, «отступил со всем своим войском и прошел в один день и одну ночь 25 миль, оставив позади себя Москву и свою кровавую яму, слободу и все государство, пока не остановился у реки Волги в крепости Ярославле, находящейся в 50 немецких милях от Москвы» [29, с. 52]. Другой авантюрист, немец Г. Штаден, в своих записках, составленных несколькими годами позднее, отмечал, что «великий князь бежал вместе со всем опричным войском в незащищенный город Ростов» [30, с. 177]. Английский дипломат Дж. Флетчер спустя без малого два десятилетия после майской катастрофы, рассказывая о страшном пожаре, погубившем русскую столицу, писал, что татарское предприятие потому имело успех, что «тогдашний русский царь (Иван Васильевич), выступивший против них со своей армией, сбился с пути, но, как полагают (выделено нами. – Т. П., В. П.), с намерением, не смея вступить в битву, потому что сомневался в своем дворянстве и военачальниках, будто бы замышлявших выдать его татарам» [31, с. 89].

Особняком от всех этих показаний стоит свидетельство английского купца и дипломата Дж. Горсея. Согласно его запискам, Иван Грозный «в день Вознесения» (24 мая 1571 г.) покинул Москву вместе с двумя своими сыновьями, двором, казной и стрельцами (о каких стрельцах идет речь – об опричных? о московских?) и уехал в Троице-Сергиев монастырь, представлявший собой мощную крепость, откуда затем перебрался в Вологду [32, с. 56, 57].

Теперь, когда мы привели основные свидетельства о том, как вел себя в майские дни 1571 г. Иван Грозный, попытаемся еще раз реконструировать образ тех событий. Но прежде чем предложить свой вариант реконструкции, дадим краткий анализ источников.

Относительно первой группы источников можно сказать следующее. Разрядные книги, по мнению Ю. В. Анхимюка, достаточно четко делятся на официальный «Государев разряд» и частные списки, составленные по заказу служилых людей с использованием как «государева разряда», так и материалов

текущего разрядного делопроизводства, родословцев, разного рода летописей и пр. И в том, и в другом случае разрядные книги являлись не чем иным, как своего рода местническими «справочниками» [33, с. 73–77, 81–82, 84–87, 97–98]. При этом «государевы разряды» XVI в. составлялись задним числом сразу за много лет, а частные разрядные книги дошли до нас по большей части в списках XVII в. [33, с. 79; 34, с. 95, 98]. Естественно, что это не могло не наложить своего отпечатка на содержание разрядных записей, подвергавшихся порой весьма существенному редактированию (как отмечал Ю. В. Анхимюк, «разрядные книги являлись **продуктами переработки первичной документации** (выделено нами. – Т. П., В. П.), в которых их составители проявляли в каждом конкретном случае свой неповторимый авторский подход» [33, с. 179]). Примером тому может служить случай с воеводой Ф. И. Шереметевым. После поражения русских войск под Венденом осенью 1578 г. в разряде было записано, что «иные воеводы тогда з дела побежали и наряд покинули, а товарищей своих бояр и воевод покинули же. А побежали з дела князь Иван Юрьевич Голицын, окольников Федор Васильевич Шереметев, князь Ондрей Палецкой да дьяк Ондрей Щелкалов» [35, с. 44–45]. Однако позднее, когда при царе Федоре Иоанновиче составлялась очередная редакция «Государева разряда» [33, с. 78–81], эта фраза внесена в список не была (ср. записи за 1578 г. [35, с. 35–47; 36, с. 338–349]). По нашему мнению, это произошло не в последнюю очередь не без участия самих братьев Щелкаловых, с которыми Федор Шереметев находился в хороших отношениях. Да и сам Федор благодаря тому, что был сторонником князей Шуйских, занимал в первые годы царствования сына Ивана Грозного Федора прочные позиции при дворе, почему и мог поспособствовать тому, чтобы эта запись, порочащая как его собственную честь, так и честь всего рода Шереметевых, была убрана из новой редакции «Государева разряда» [23, с. 343–345; 37, 30–32]. Таким образом, в разрядных книгах сохраняются **лишь следы** (выделено нами. – Т. П., В. П.) подлинной разрядной документации, подвергшейся в процесс создания книг переработке и редактированию.

Далее по важности стоят летописные свидетельства. Увы, но государственное летописание (прежде всего «Лицевой свод»), которое отразило бы официальную точку зрения на события мая 1571 г. и при создании которого широко использовались материалы текущего приказного делопроизводства, было доведено лишь до 1567 г., после чего замерло [38, с. 199–203, 207]. Б. М. Клосс, исследовавший историю Никоновского летописного свода и его влияние на последующее русское летописание, указывал, правда, что «после того, как работа над Лицевым сводом пре-

кратилась, список О (Оболенского. – Т. П., В. П.) попал в руки каких-то лиц (по мнению исследователя, скорее всего, это был кто-либо из дьяков или подьячих, служивших в Разрядном приказе, мы же полагаем, что речь надо вести скорее об иноках Троице-Сергиевой Лавры, где, по предположению Б. М. Клосса, рукопись оказалась в начале 80-х гг. XVI в. – Т. П., В. П.), пожелавших продолжить летописные записи» [там же, с. 223, 226, 267]. В этих приписках к основному тексту, сделанных, возможно, в 80-х гг. XVI в. (или позже? [24, с. 300, прим. 10]), сохранился достаточно подробный рассказ о тех майских днях [там же, с. 300–301]. Кроме того, можно также назвать ряд кратких летописцев и заметок, в которых содержатся сведения о событиях 1571 г. [39, с. 2; 40, с. 21–22; 41, с. 92]. Но эти заметки носят краткий, порой даже лапидарный характер. В лучшую сторону от них отличается краткий рассказ, помещенный под 1570/71 г. в Соловецком летописце конца XVI в., но и он дает лишь общий эскиз, набросок картины, интересующего нас события [25, с. 191–192; 42, с. 237]. Но во всех этих случаях, поскольку речь идет главным образом о монастырских книжниках, на наш взгляд, к ним применимо высказывание С. Б. Веселовского, который отмечал, что «мнения современников-обывателей имеют много слабых сторон. От них нельзя требовать объективности и беспристрастия. Их сведения о прошлом, даже о том, что было непосредственно до них, обыкновенно невелики... Другим слабым местом суждений современников, особенно XVI в., когда не было ни печати, ни других средств информации, является узкое поле их наблюдений» [43, с. 39]. Точно так же, если даже не в большей степени, эти слова могут быть отнесены и к Пискаревскому летописцу, который, по мнению М. Н. Тихомирова, «был составлен в окружении Шуйских» применительно к известиям XVI в. «не на личных воспоминаниях, а на позднейших припоминаниях, рассказах современников, неизвестных источников; немало в них от московских сплетен и слухов о придворной жизни времени правления Ивана IV Грозного» с целью «благоприятного освещения их роли в государственных делах XVI в. и очернения личности Ивана Грозного и его наследников», скорее всего, на закате Смутного времени» [44, с. 4]. Что уж тогда говорить, к примеру, о Вологодском летописце Ивана Слободского, который был создан в начале XVIII в.?

Остается третья группа источников, которая интересна прежде всего тем, что они наиболее близки к интересующему нас времени. И снова обратимся к мнению С. Б. Веселовского. Касаясь записок иностранцев, он отмечал, что характерные для них «незнание русского языка, обычаев и нравов и вообще всего уклада русской жизни, недоброжелательное и часто презрительное отношение их к варварам-мо-

сковитам, наконец, грубая тенденциозность их сообщений, суждений – все это очень затрудняет использование их сочинений для целей научного исследования» [43, с. 38–39]. Кстати, в связи с этим интересно свидетельство Штадена. Он писал, что Иван бежал из Москвы со всем опричным войском, и как будто ему надо верить, поскольку, согласно его автобиографии [30, с. 353], он сам был в опричнине и, выходя, спасался от татар вместе с другими «кромешниками» и с самим Иваном. Однако, как уже было показано выше, в разрядной книге 1550–1636 гг. четко прописано, что по меньшей мере большая часть опричников («опришнинской разряд») осталась оборонять Москву, да и сам Штаден в своей автобиографии писал, что во время пожара он был в Москве и едва спасся [там же, с. 433]. Так значит ли это, что Штаден не был опричником, о чем писал Д. Н. Альшиц [45, с. 352–354, 361], или же что опричники остались для защиты Москвы?

Возвращаясь к анализу показаний иностранцев, заметим, что сведения, которые они сообщают, получены, как правило, не напрямую, а из вторых-третьих рук. В этом отношении интерес представляют записки Горсея. Он единственный, кто пишет о том, что 24 мая 1571 г. Иван был в Москве, откуда и бежал затем на север. И представляется, что англичанин не ошибается, и прежде всего потому, что он, прибыв в Москву в 1573 г. в качестве служащего английской торговой Московской компании [46, с. 6, 11], имел возможность побеседовать с теми из английских купцов и их слуг, кто пережил московский пожар. Кроме того, его показания совпадают по ряду позиций со свидетельствами некоторых русских источников.

Попробуем теперь изложить свою реконструкцию действий Ивана Грозного в те майские дни. Получив известие о том, что хан идет к Москве, царь 16 мая выступил с 3-полковым опричным войском, насчитывавшим, по его словам, 6 тыс. воинов [47, с. 298], на «берег». Годом ранее в аналогичной ситуации ему потребовалось 4 дня, чтобы из слободы добраться до Серпухова [22, с. 179, 181], следовательно, и на этот раз он должен был прибыть туда со своими людьми не позднее 20 мая. Разрядные записи четко зафиксировали, что земское и опричное войско подошло к Москве 23 мая [22, с. 189; 23, с. 281]. Москву и Серпухов разделяют примерно 100 верст, следовательно, полки «берегового» разряда должны были покинуть «берег» 21-го, самое позднее 22 мая с тем, чтобы к вечеру 23-го выйти к московским окраинам. Исходя из этого, можно смело утверждать, что Иван дошел все же до Серпухова и по меньшей мере сутки находился там. Скорее всего, как и в предыдущем году, по прибытии в Серпухов Иван вызвал туда воевод берегового разряда на совещание, и как раз к этому совещанию подоспела весть о том, что «передовые

люди (татарские. – *Т. П., В. П.*) пришли на Угру на устье» [22, с. 189]. От устья Угры (места ее впадения в Оку) до Серпухова по прямой около 100 верст, и гонец, сменяя лошадей, мог проскакать это расстояние менее чем за сутки, следовательно, авангарды ханского войска вышли к переправе и начали «возиться» через Угру не позднее 20 мая 1571 г. Отсюда становятся понятными слова Ивана польскому послу о том, что «в 4-х милях (примерно в 20 верстах, т. е. в 2/3 обычного дневного конного перехода, если речь идет о польских милях. – *Т. П., В. П.*) я об них (т. е. татарах. – *Т. П., В. П.*) не знал... Передо мною пошло семь воевод со многими людьми, и они мне о татарском войске знать не дали. Хоть бы бич татарский принесли мне, и тут бы я их пожаловал; а хотя бы тысячу моих людей потеряли, и мне бы двоих татар привели, и то бы за великое дело счел...» [47, с. 298].

Неожиданный маневр Девлет-Гирея (которого, судя по всему, ждали на бродах через Оку между Серпуховом и Коломной), обошедшего позиции русских войск с запада, застал и воевод берегового разряда, и самого Ивана Грозного врасплох. Известие о том, что враг преодолел Угру и вот-вот обойдет русские полки с тыла, вызвало смятение и растерянность среди русского командования. И немудрено – как и полсотни лет назад, Девлет-Гирей и его военачальники существенно опережали русских в развертывании – хан держал все свое войско в кулаке и владел инициативой, тогда как русская рать оказалась растянутой вдоль Оки от Серпухова до Коломны и не успевала сконцентрироваться для «прямого дела».

Отказавшись от первоначального плана (собрать полки под Серпуховом было бессмысленно – татары вот-вот могли выйти в тыл войскам «берегового» разряда), Иван поспешно пошел со своими опричниками к Москве, что и нашло отражение в разрядных записях: «Государь царь и великий князь тогда воротился из Серпухова, потому что с людьми собратца не поспел (по нашему мнению, выделенную фразу надо воспринимать как указание на то, что общего схода всех полков не было. – *Т. П., В. П.*)...» [23, с. 280]. Навстречу татарам был отряжен опричный же голова Я. Ф. Попадейкин-Вольнский с небольшим отрядом «добрых о дву конь изо всех полков» опричников (несколько сот человек в лучшем случае) с приказом (как в 1591 г.) «над крымскими над резвыми перелазными людьми по государеву наказу чинить поиск сколько бог поможет». Правда, действия головы оказались неудачными, и его отряд был разбит крымцами, но, видимо, свою задачу он, пусть и частично, но выполнил, взял языков и на некоторое время сумел сдержать выдвижение неприятеля (во всяком случае, после этих событий его карьера пошла в гору) [13, с. 271; 48, с. 31].

Предпринятые срочно контрмеры позволили Ивану и его воеводам опередить Девлет-Гирея, и если татарский замысел был в том, чтобы разгромить русское войско на марше, то он не удался. Главные силы русского войска вышли к окраинам Москвы в «канун вознесеньева дня» (который в 1571 г. приходился на четверг, 24 мая). Таким образом, они, совершив форсированный марш (преодолев, в зависимости от того, где они стояли, за 2 дня от 100 до 120 и даже более верст), в порядке, «по полком», подошли к городу, как уже говорилось выше, 23 мая, и по полкам же встали на позиции на московских окраинах (в том числе и «опришнинской разряд») [22, с. 189; 23, с. 281].

Вслед за русскими, видимо, во второй половине 23 мая, к Москве вышел и Девлет-Гирей со своим воинством. Сам хан разбил свою ставку, по словам ливонских авантюристов, в Коломенском, а его сыновья – в Воробьеве. Татарские фуражиры, распавшись по московским окрестностям, принялись по своему обыкновению «душить, грабить и жечь» [29, с. 52–53]. Вряд ли их действия остались безнаказанными, но приближавшаяся ночь не позволила перерасти отдельным стычкам в полноценное сражение. «Прямое дело» было отложено на завтра, на 24 мая, «на Вознесение господина нашего Иисуса Христа и на память преподобного отца нашего Симиона столпника, иже на Дивней горе чудотворца» [42, с. 237].

С рассветом (в 5-м часу) 24 мая 1571 г. хан отправил своих «резвых людей» «травиться» с русскими. В свою очередь, как писал летописец, «князь Иван Дмитриевич Бельской выезжал против крымских людей за Москву реку на луг за Болото и дело с ни[ми] делал» [там же]. По мере разворачивания схватки Девлет-Гирей и Бельский вводили в бой все новые и новые силы, схватка долгое время шла с переменным успехом (как, впрочем, и всякая «травля»), пока в «пятом часу» (в 9-м часу утра), неприятельские всадники «разорваша острог за Неглинною от Ваганкова и зажгоша посад» (выходит, что татарам удалось опрокинуть опричников. – *Т. П., В. П.*). К несчастью, вскоре «начаяша буря велия, начаяша с хором верхи с огнем носити по всем улицам» [13, с. 272]. С началом большого пожара русское войско смешалось, и этим воспользовались крымцы, сумев ворваться в русский табор. В последовавшей схватке были убиты «сходные» воеводы – донковский воевода И. И. Козлина Тростенский и новосильский Ф. П. Деев и ранен «большой» воевода Д. И. Бельский, которого его люди сумели увести в Москву на княжеское подворье, где он вместе со своими близкими и дворовыми задохнулся от дыма [49, с. 140; 50, с. 209].

Где находился в это время Иван? Мы склоняемся к тому, чтобы принять во внимание сведения Дж. Горсея. И тогда получается, что царь был в столице (на

опричном дворе?) еще утром 24 мая, и с началом пожара, когда стало очевидным поражение русских войск, он с сыновьями Иваном и Федором спешно покинул пылавшую столицу и поспешил в сопровождении небольшой свиты и конвоя (опричных стрельцов?) в хорошо укрепленную Троице-Сергиеву лавру. Оттуда Иван двинулся дальше на север, в Ростов (и, возможно, на короткое время прибыл в Ярославль). Здесь в первых числах июня он получил известия о постигшей Москву катастрофе и о том, что хан отступил от сгоревшей столицы в южном направлении, в сторону Каширы [47, с. 298; 51, с. 1299, 1304]. О том, что Иван в первой половине июня 1571 г. был в Ростове, свидетельствует косвенно и тот факт, что 15 июня он принимал в подмосковном селе Братошино ханского посла [52, с. 198].

Таким образом, согласно нашей версии, в мае 1571 г. Иван Грозный, оставив Александровскую слободу, отправился со своим воинством в Серпухов, оттуда поспешно выехал к Москве вместе с земским и опричным войском. 24 мая, когда в столице начался пожар, царь покинул опричный двор и уехал в Троице-Сергиев монастырь, а оттуда в Ростов (возможно, заехав в Ярославль). Отказ же Ивана возглавить армию в сражении на московских окраинах, на наш взгляд, можно объяснить тем, что царь, полагая битву своеобразным Божьим судом [53, с. 60], опасался потерпеть неудачу и тем самым поставить под сомнение свою правоту как христианского, православного царя в споре с «бусурманским» татарским «царем».

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов А. М. Международные отношения и народы Западного Кавказа (последняя четверть XV – первая половина XVI в.) / А. М. Некрасов. – М., 1990.
2. Хорошкевич А. Л. Русь и Крым. От союза к противостоянию / А. Л. Хорошкевич. – М., 2000.
3. Lietuvos Metrika (1506–1539). – Кн. № 7. – Vilnius, 2011.
4. Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени (очерки политической истории России первой трети XVI в.) / А. А. Зимин. – М., 1972.
5. Аннинский С. А. Рассуждение о делах московских Франческо Тьеполо / С. А. Аннинский // Исторический архив. – Т. 3. – М., 1940. – С. 327–344.
6. Флоря Б. Н. Иван Грозный / Б. Н. Флоря. – М., 2003.
7. На вторую епистолию отвешание царице великому московскому убогаго Андрея Курбского, княжати Ковельского // А. М. Курбский и царь Иоанн IV Васильевич Грозный. Избранные сочинения. – СПб., 1902. – С. 198–212.
8. Филюшкин А. И. Андрей Курбский / А. И. Филюшкин. – М., 2008.
9. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – СПб., 1845. – Кн. III. – Т. IX.
10. Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен / М. М. Щербатов. – СПб., 1789. – Т. V. – Ч. II.
11. Загоровский В. П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1991.
12. Волков В. А. Войны и войска Московского государства / В. А. Волков. – М., 2004.
13. Зимин А. А. Опричнина / А. А. Зимин. – М., 2001.
14. Колобков В. А. Митрополит Филипп и становление московского самодержавия : опричнина Ивана Грозного / В. А. Колобков. – СПб., 2004.
15. Скрынников Т. Г. Царство террора / Т. Г. Скрынников. – СПб., 1992.
16. Зимин А. А. Витязь на распутье / А. А. Зимин. – М., 1991.
17. Володихин Д. М. Иван IV Грозный / Д. М. Володихин. – М., 2010.
18. Мадарьяга И. де. Иван Грозный. Первый русский царь / И. де Мадарьяга. – М., 2007.
19. Древняя Российская Вивлиофика. – 2-е изд. – Ч. XIII. – М., 1791.
20. Разрядная книга 1475–1598. – М., 1966.
21. Разрядная книга 1559–1605. – М., 1974.
22. Разрядная книга 1550–1636. – Т. I. – М., 1975.
23. Разрядная книга 1475–1605. – Т. II, ч. II. – М., 1982.
24. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). – Т. XIII. – М., 2000.
25. Пискаревский летописец // ПСРЛ. – Т. 34. – М., 1978. – С. 31–220.
26. Вологодский летописец Ивана Слободского / Устюжские и вологодские летописи // ПСРЛ. – Т. 37. – Л., 1982. – С. 194–199.
27. Шмурло Е. Ф. Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией / Е. Ф. Шмурло. – СПб., 1908. – Т. II, вып. 1.
28. Historica Rossiae Monumenta. – Т. I. – Petropoli, 1841.
29. Рогинский М. Г. Послание Иоганна Таубе и Элрета Крузе / М. Г. Рогинский // Русский исторический журнал. – 1922. – Кн. 8. – С. 29–59.
30. Штаден Г. Записки о Московии / Г. Штаден. – Т. I. Публикации. – М., 2008.
31. Флетчер Дж. О государстве Русском / Дж. Флетчер // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). – М., 1991. – С. 25–138.
32. Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Дж. Горсей. – М., 1990.
33. Анхимюк Ю. В. Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков / Ю. В. Анхимюк. – М., 2005.
34. Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV – начала XVII в. / В. И. Буганов. – М., 1962.
35. Разрядная книга 1475–1605. – Т. III, ч. I. – М., 1984.

36. Древняя Российская Вивлиофика. – 2-е изд. – Ч. XIV. – М., 1791.
37. Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.) / А. П. Павлов. – СПб., 1992.
38. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков / Б. М. Клосс. – М., 1980.
39. Летописные заметки за 7030–7137 (1522–1629) года // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – 1896. – Кн. 4. – IV. Смесь. – С. 1–4.
40. Летописчик Игнатия Зайцева // Зимин А. А. Краткие летописцы XV–XVI вв. / А. А. Зимин // Исторический архив. – Т. V. – М.; Л., 1950. – С. 14–22.
41. Краткие летописные заметки эпохи опричнины // Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. / М. Н. Тихомиров // Исторические записки. – Т. 10. – 1941. – С. 89–93.
42. Корецкий В. И. Соловецкий летописец конца XVI в. / В. И. Корецкий // Летописи и хроники 1980. – М., 1981. – С. 229–243.
43. Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины / С. Б. Веселовский. – М., 1963.
44. Предисловие // ПСРЛ. – Т. 34. – М., 1978. – С. 3–7.
45. Альшиц Д. Н. От легенд к фактам. Разыскания и исследования новых источников по истории допетровской Руси / Д. Н. Альшиц. – СПб., 2009.
46. Севастьянова А. А. Джером Горсей и его сочинения о России / А. А. Севастьянова // Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. / Дж. Горсей. – М., 1990. – С. 5–37.
47. Толстой Д. Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевства Польского и Великого княжества Литовского, чрез их посла переданная / Д. Толстой // Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. – 1847. – Кн. 9. – М., 1848. – IV. Смесь. – С. 296–302.
48. Кобрин В. Б. Опричнина. Генеалогия. Антропология / В. Б. Кобрин. – М., 2008.
49. Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских сборников. Ч. 1 / А. Ф. Бычков. – СПб., 1882.
50. Выдержка из синодика «по убиенным во брани» // Памятники истории русского служилого сословия. – М., 2011. – С. 198–213.
51. Писцовые книги XVI в. – Отд. II. – СПб., 1877.
52. Виноградов А. В. Русско-крымские отношения: 50-е – вторая половина 70-х годов XVI века : в 2 т. / А. В. Виноградов. – М., 2007. – Т. II.
53. Курбатов О. А. Очерки развития тактики русской конницы «сотенной службы» с середины XVI до середины XVII в. / О. А. Курбатов // Военная археология. – Вып. 2. – М., 2011. – С. 58–91.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Пенская Т. М., кандидат исторических наук, доцент
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru
Тел.: 8 (4722) 30-12-11

Пенской В. В., доктор исторических наук, доцент
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru
Тел.: 8 (4722) 30-12-11

National Research University Belgorod State University
Penskaya T. M., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
E-mail: penskaya@bsu.edu.ru
Tel.: 8 (4722) 30-12-11

Penskoy V. V., Doctor of Historical Sciences, Associate
Professor
E-mail: penskoy@bsu.edu.ru
Tel.: 8 (4722) 30-12-11